Крестьяне и Гражданская война: дискурс новеллистики[1]

В.Г. Виноградский

Валерий Георгиевич Виноградский, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru

Автор делает попытку истолкования крестьянских устных историй и, в частности, тех сюжетов, в которых так или иначе воссоздаются события Гражданской войны 1917–1922 годов. Записи соответствующих воспоминаний были сделаны в 1991–1993 годы в рамках Первой крестьяноведческой экспедиции Теодора Шанина, когда в селах еще можно было встретить живых очевидцев военных событий тех лет. Фрагменты нарративов анализируются в некой комбинационной проекции, где присутствуют философский, социолингвистический и фольклористический подходы к рассматриваемому материалу. В статье рассматривается следующий перечень сюжетов: что и как крестьянские старики рассказывают о событиях Гражданской войны в России? насколько подобного рода информация, взятая из устных семейных историй может послужить в качестве исторического источника? какие именно мизансцены военных событий врезались в память респондентов? какова основная тональность повествований о том времени? каковы, наконец, «литературно-дискурсивные краски» крестьянских устных повестей о Гражданской войне?

Ключевые слова: устные семейные истории, Гражданская война в России, историческая память, жанр бытовой сказки, крестьянские жизненные практики, крестьянские миры, социология села, дискурс новеллистики и бытийного приключенчества

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-4-70-85

В мемуарной литературе можно обнаружить весьма значительный объем публикаций (дневников, воспоминаний, записок), где так или иначе представлены живые, документальные свидетельства событий Гражданской войны в России (см.: Венус, 1925; Воспоминания, 1921; Воспоминания, 1925; Дедушка, 1924; Левин, 2007; Москвичи, 1960; Эфрон, 1998). Случилось так, что в исследовательской практике полевого социолога я тоже получил возможность прикоснуться к этой важной теме через голоса прямых очевидцев. Вхождение в соответствующий материал носило в моём случае достаточно спе-

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Гражданская война в России. Историческая семантика и борьба дискурсов», № 17-81-01028 а(ц).

цифический характер, а его результаты оказались несколько неожиданными. Далее речь пойдет о круге задач, о перечне процедур и о некоторых итогах предпринятых познавательных усилий.

Итак, в начале 1990-х годов мне и моим коллегам довелось поработать в качестве полевых исследователей — «полевых» в прямом смысле этого профессионального термина социологической науки. Тогда мы надолго и основательно погрузились в настоящие «поля», в деревни и сёла — глубинные и придорожные, крохотные и многонаселенные, старинные и недавно появившиеся. В каждой из трёх разнотипных деревень, изучаемых одной и той же экспедиционной группой, социологи безвыездно жили по одному календарному году, передвигаясь затем в очередное село. По окончании основного поля был предпринят «контрольный» объезд мест дислокации — уточнить собранную информацию, узнать об изменениях, поддержать и закрепить социологические контакты и просто добрые знакомства. Так продолжалось около четырёх лет. Это был уже ставший легендарным Первый крестьяноведческий проект Теодора Шанина.

Одной из ключевых подпрограмм этого, информационно весьма насыщенного, проекта была «История крестьянской семьи». В выборку включались крестьянские семьи, где присутствовала живая память о коллективизации конца 1920-х–начала 1930-х годов: важно было из первых рук получить свидетельства о событиях, перевернувших устройство сельских миров России. Нам решительно повезло: в те годы еще можно было отыскать памятливых и разговорчивых дедушек и бабушек, которым в годы коллективизации было по 15–18 лет. По деревенским меркам — это уже вполне взрослый народ. Гораздо реже можно было встретить очевидцев более раннего времени — событий Гражданской войны и Революции 1917 года. Но и в этом случае мы не остались с пустыми руками: таких семейных историй хотя и оказалось немного, но они были аккуратно записаны и сохранены в архиве крестьяноведческого проекта.

Попробуем посмотреть, что и как наши крестьянские собеседники — простые, как правило, малограмотные, но сообразительные и проницательные люд, — рассказывают о событиях Гражданской войны в России? Насколько подобного рода сюжеты семейных историй могут послужить в качестве исторических источников? Какие мизансцены военных событий врезались в память рассказчиков? Как именно повествуется о том времени? Каковы, если можно так выразиться, «дискурсивные краски» крестьянских устных повестей, когда в них прихотливо оживает тогдашняя, как выразилась одна из наших деревенских рассказчиц, «бешеная жизнь»?

Строго говоря, развёрнутыми «повествованиями», сколько-нибудь подробными рассказами эти фрагменты семейных историй назвать трудно. Старые крестьяне рассказывают о том, что им помнится, что особенно ярко просвечивает сквозь дымку семидесяти лет.

Поэтому мы, записывая крестьянские нарративы, могли наблюдать не полнокровные сюжетные движения, а, как правило, точечные событийные вспышки. Вот как выглядят подобного рода «типовые», если так можно выразиться, воспоминания о событиях того времени:

> *«...В 1921 году бандиты тут были, в наших краях. Они скотину отбирали. С утра идут красные, верховые, на лошадях. А потом и бандиты приходили. Был такой случай в то время. Приехали они в Серёвку и хотели скотину забирать у деда Тихона. А его сын Андриан заступился за него. Так его плетками отстегали. А потом к стенке поставили. Хотели расстрелять, а может, просто пугали. Они поставили его, и один из них выстрелил, около уха пуля попала... Эти банды не только лошадей отнимали у крестьян. Тогда праздник был какой-то, с иконами ходили, молебен читали. Так бандиты на лошадях приехали и двух стариков убили. Ни за что убили. Тогда ведь такое творилось, что не приведи бог. И никакой управы не было на них»* (Афонина Зоя Андриановна, 1910 г.р., Тамбовская обл.).
>
> *«...Ну, это когда тут банды были. Ездила банда. Кто их знает, зовут их «банда» и всё. Они тут верхами ездили. Я бедная, они ко мне не заезжают, а кто побогаче... Заходят в хату. А одетые в фуфайки. Че там поймешь, какие это? И спрашивают: «Ты, батя, за кого?» — «Да я, сынки, ни за кого...» — «Нет! Отвечай, за кого!..»»* (Матвеева Мария Васильевна, 1906 г.р., Белгородская обл.).
>
> *«...Вот, Якова родной дед — он ведь ускакал от красных. Пару лошадей запрёг и удрал от большевиков. А мой дед никуды не уехал. Вот, значит, ворота у нас были. Зашел один и кричит: «Дед, отворяй ворота!..» Он открыл, заезжают... Говорят: «Ну, ты чего же не ускакал от нас-то? Ведь мы красные. И еще сюда красные идут!..» А он: «Тю! Ну и чё?! Две смерти не быть, а уж одной не миновать...» И нигде не отступал. А Якова дед — умчался. Старый-старый, а ускакал. Угнал лошадей. Вообще, от красных много народу отступали у нас... Красные пришли и пару лошадей у нас взяли. Лошадей добрых. А плохих оставили... И что только отец не делал с этими лошадями! И шелком их тер, и белой глиной белил! Но всё же вылечил их. И они долго у нас были, работали. А добрых лошадей красные забрали... Один дед им сказал: «Когда вы бросите дурачиться?! Что ж вы дурачитесь, что ж вы воюете?..» И ка-ак они этого деда хлопнули! Застрелили, прямо на улице. Тогда и красные шли, людей били, и белые тоже. Белые — они погрубее были как-то...»* (Шаронова Елена Логиновна, 1913 г.р., Волгоградская обл.).

В архиве проекта можно отыскать ещё несколько микроновелл, очень похожих на эти — и по содержанию, и по интонации. Что перед нами? В сущности, мы различаем здесь молекулы време-

ни, наблюдаем крохотные просветы в темноте минувшего, которые (если взять весь массив семейных крестьянских повествований) представляют собой некий своего рода событийный протокол, ряд мгновенных картинок. Припоминая, старый рассказчик видит их глазами деревенского подростка, каким он был в ту пору и — как это было отчетливо заметно в ходе самой записи — старательно, добросовестно пытается воссоздать, адекватно выстроить композиционное целое. Оно волнует, на него неизбежно накладываются оценки, эмоциональные реакции. Но размах их скромен, даже скуп. Зато высвечивается иное — дискурс хозяйственно-дворовых, именно «житейских» переживаний (лошади, скотина, провизия) заметно пересиливает моральные, общественные, политические, социально-исторические настроения и резоны. И это понятно — тот далёкий деревенский подросток воочию наблюдал эти сцены, был плотно включён в повседневные «работные» обстоятельства и вдобавок к этому непосредственно слышал, как именно они оцениваются роднёй, удрученной внезапным разорением порядка текущей жизни.

Наряду с подобными, как правило, краткими, похожими на отдельные фотографические кадры, зарисовками в крестьянских нарративах встречаются и более пространные сюжеты, своего рода документальные видеозаписи. В них мы видим не только мгновенные вспышки ярких мизансцен. Здесь старательно воссоздается некое связное движение фактов, ткётся обширное событийное полотно. В таких рассказах явно присутствует личностно окрашенная драматургия. Рассказчик будто бы «разбирается» с минувшим, мысленно входит в гущу событий, отбирает наиболее важное. И именно это обстоятельство интересно — селективная работа человеческой памяти содержит в своем арсенале орудия, позволяющие и навести на резкость, и затуманить, и в конечном счете воссоздать настроение времени, расслышать мелодию давно минувших событий. Не исключено, что сама тональность подобного рода воспоминаний, сама специфическая окрашенность клочков событийной ткани времен Гражданской войны позволят добавить некие новые проекции в её облик, в ее социально-историческую оценку.

Вот один из немногих, но достаточно выразительных примеров подобного рода крестьянских воспоминаний. Перед нами отрывок из нарратива девяностолетней, весьма памятливой крестьянки Ольги Семеновны Литвиновой (1902 г.р., хутор Атамановка, Волгоградская область).

> *Инт.: «А в революции или в Гражданской войне кто-нибудь из вашей семьи участвовал?»*
>
> *О. Литвинова: «Мой муж, Павел, участвовал немножко, но так — дежурить гоняли его. На быках. Кадеты* (местное именование белогвардейцев. — *Прим. авт.*) *зайдут, они велят: «Подводу давай!» И свёкр тоже так... Заставят куда-нибудь ехать. В Михайлов-*

ку или еще куда. Гонят туда — что-нибудь везти. А там, глядишь, красные пришли. И они тоже велят дежурить... То кадеты, то красные... И все заставляли на них работать. Вот моего мужа загнали дежурить. В Михайловке он дежурил-дежурил, а приехал — его на станцию погнали. Он там еще две недели, тоже с быками. Патроны возил и всё-всё делал, что заставляли. А потом как красные нажали на кадетов, они удирали через Даниловку куда-то. И скотина туда попала — она ж ведь пушек боится... А он дежурил. Рассказывает: приехал ночью к себе домой (а мы тогда с ним еще неженатые были) — надоело ему сюда-туда мотаться. Ведь одни гонят его туда, а другие — сюда. И каждый старается наказать: «Запрягай и гони, мол!» Он приехал домой и говорит: «Мама, давай с тобой яму выроем и колеса туда поховаем, чтоб кадеты не забрали... Они ведь отступают и могут подводу забрать. А быков в лес отгоним...» Ну, отогнали быков, пришли, выкопали ямку, колеса зарыли и метлой так замели, что ничего не видно, незаметно. А когда он ехал до дому, ночью, он в балку спустился. А в балке скотины много: она же пуганая, бежит, боится всего. И с повозками вместе туда падает, в эту самую балку. Он рассказывает: «Подъехал я к балке, свел туда быков. А скотина некоторая уже хрипит — подушилась. Я ножик вынул, поосвободил скотину. Какую на ноги поднял, какую зарезал...» Ну, спасал он скотину... А это скотина таких же, дежурных. Всех тогда гоняли: и лошадей, и быков. И кадеты гоняли, и красные гоняли. Ну, управился Павло и на русскую печку полез, лег. Но, похоже, соседи доказали, что он приехал ночью. Кто-то его увидал. И главарю кадетскому сообщил. Ну взошли их трое, с плетками. Спрашивают мать: «Говори, где сын?!» А она: «Сыночки, його нема дома... Его погнали кадеты, и уже две недели его нема...» А они около нее с плеткой: «Говори, где?!.. Где быки? Где сын?» Она опять им то же: «Не знаю...» Они на печку глянули, а он на печке лежит. Накрытый тряпкой. Кричат: «Вставай, хохленок!» Это они на мужика моего — он еще тогда парень был. Он поднялся, а тот его плеткой как стеганул — с рубашки сразу кровь засочилась. А мужик мой: «Ах ты чигоман!..» «Чигоман» — это так дразнили казаков, ну кадетов. Хохлы их так обзывали... И с русской печки ка-ак прыгнет на плечи тому кадету, через него перепрыгнул и на двор. А потом побежал. Осень стояла, на дворе уже холодно было. И — к ихнему двору. Он и сейчас стоит, перестроенный, — вот так вот улица идет, и вот так, и еще с третьей стороны. А он все ходы знает: и у соседей, и у всех. И катухи, и сараи — всё знает. А кадеты — они ж бог знает откуда. Они за ним выскочили, а он сперва в свои катухи, а уж оттуда — в другой двор перепрыгнул. А раньше ведь конопли были. Их сеяли, потом молотили, в воде мочили, с воды вытаскивали (а они дней десять-двенадцать мокли), сушили и потом снопами связывали. Потом домой возили, просушивали и начинали мять, обрабатывать. А какие лишние, те в катухи складывали до вес-

ны, чтоб они были в сухом месте. И он к этим соседям запрыгнул на сарай. А конопли там по самую крышу были накладены — и он туды, в конопли, залез. Кадеты во двор зашли, ходят, матерятся, ругаются... А он дрожит — вот-вот найдут. Но не нашли, он спасся. А то б они его б убили со зла...»

Что здесь любопытно? Сама мелодия, тон повествования. Вслушайтесь — вместе и наряду с вязкой, порой утомляющей (по причине неожиданного и стремительного переключения регистров наблюдения жизненных перипетий), реалистичностью повествования Ольги Семеновны Литвиновой в её рассказе отчетливо слышатся некие явные фольклорные нотки. Мир обрабатывается в традициях народного сказа. Перед нами не только достаточно точная, рельефная информация, но и натурально прорастающая сквозь историческую фактологию складная народная сказка — с её непременной молодецкой удалью, хитрой ловкостью, чудесным спасением, скромной, но своевременной удачей. В любом случае реализм, выразительная детализация жизненных мизансцен удобно и естественно укладываются здесь в некий дискурс везения, сноровки и волшебства. Разумеется, этот фольклорный дискурс туго переплетён с реальной жизнью, щедро разбавлен реалиями крестьянской повседневности, и в нем уравновешены бытийные контрасты. Но в нем происходит и то, что можно назвать художественной «возгонкой бытия». Ведь реальные приключения хуторского хлопца Павла естественно соразмеряются с давно отчеканенными выводами народной мудрости. «Дома и стены помогают», «И неладно, да удачливо», «Иному всё с рук сходит», «Голову сняли, да шапку вынес» — вот репертуар основных настроений, накладывающихся и постепенно выстраиваемых в рассказе Ольги Семеновны Литвиновой. Эти же настроения типичны, характерны и для так называемых бытовых, новеллистических сказок (подробнее см.: Мелетинский, 2010; Пропп, 1989, 1999; Шинкаренко, 2005; Юдин, 2006).

Вот еще один фрагмент, записанный неподалёку, чуть юго-западней тех усть-медведицких мест, где жила Ольга Литвинова, на Белгородчине (Кудренко Павел Яковлевич, 1906 г.р., Белгородская обл., Вейделевский район, хутор Лаптиев, недалеко от с. Олейники).

Инт.: «Павел Яковлевич, помните вы Гражданскую войну? Были в этих местах её события?»

П. Кудренко: «А то як же? Всё було. И усе были. И красны назывались, и билы назывались, и махновци и буденовци назывались. Сам черт там нэ разберэ, сынок. А хто за яку власть воював, так хрен их знае. Одна партия пройде, пытають:

— Булы тут военни?

— Булы.

Начинають тебэ шомполамы пороть, щоб не казав, що военни булы. Друга партия едэ. Тэж пытають:

— Булы военни?

— Та мы не бачылы.

Едут дальш, — ци не бьють. Третья партия едэ:

— Тут солдаты булы?

— Та мы не бачылы.

— Ах, вы не бачылы?! Воны через хутир ехалы, а вы не бачылы?! Чертя куда деваться?! И правду скажи — беда, и збрэши — беда. Ну! Вот так жизнь была. А потом вже Ленин переборов на свою руку. И з нашего хуторка два добровольца на своих лошадях поехалы в Красную Армию. И перешло всё на Красную Армию. Но мне воевать тогда не пришлось. Я мальчиком тогда був».

Рассказчик другой, обстановка иная, но тональность повествования, манера захвата мира очень похожая. Перед нами — та же закругленная новелла, кратчайшая бытовая сказка, вправленная в реальную событийную раму Гражданской войны.

И, наконец, запись поволжского крестьянина (Цаплин Иван Васильевич, 1914 г.р., Саратовская обл., Новобурасский район, деревня Красная Речка).

«А в революцию году была власть такая — красные были и белые были. Я-то это не помню — это мне дядя рассказывал. Вот, говорит, иду по городу. Ага... Стоят. С этими, с дубинками. Наблюдатели-то. Спрашивают его: «Ты за каких?» — «Я за красных». А он, который стоял, — белый! Говорит: «Ну-ка, скидай штаны!» Он скидат штаны, и ему всю жопу напороли. Пустили его, побежал. Дальше бежит, там другой стоит. Спрашивает дядю: «Ты за каких?» — «Я за белых...» А он, этот, который спросил-то, — он красный. Опять его пороть, тур твою мать! Это было! Было!.. Ну, он опять бежит дальше. Опять кто-то стоит. Спрашивает его: «Ты за каких?» А он: «Ни за каких, ни за каких! Нате вот! Нате вот!» Скидат штаны: «Нате, нате — бейте! Только пустите!» Не поверишь ты мне?! Нет? Это мне дядя рассказывал. Нате, говорит, бейте меня, порите жопу — я ни за каких. Это было! Куды, говорит, ни ткнусь — везде порют!»

Обратите внимание: Иван Васильевич Цаплин трижды по ходу этого, очевидно, выдуманного (либо весьма приукрашенного) повествования решительно настаивает как раз на подлинности этой истории. Здесь, вероятно, в полную силу разворачивается дискурс проектирующей угадки, дискурс бытийного режиссирования, присущий той тревожной и взвинченной атмосфере, которая явственно ощущалась в деревенском социуме начала 1990-х годов, когда эти нарративы фиксировались нами на магнитную ленту. Обвола-

кивающий дух вымысла смягчает и по-детски игрушечно разглаживает, наивно обустраивает картинку бытия. Этот воздух непрерывно веет над корневыми народными нарративами. Крестьянское «нерассуждение», беззаботное пренебрежение взвешивающей логикой и любыми рациональными резонами конвертируется здесь в сказочное происшествие с классическим троекратным повтором и благополучным исходом.

Как всё это понимать? Как и насколько верить этому? Что происходит здесь — с памятью, с языком, со словом? Разбираясь в этих вопросах, необходимо постоянно иметь в виду базовые проекции — философские и социолингвистические.

В курсе лекций «Язык философии», прочитанном в осенний семестр 1989 года на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова и изданном отдельной книгой в 1994-м, а потом в 2007 году, Владимир Бибихин развернуто формулирует одно, на первый взгляд несколько замысловатое, но очень важное правило понимающего принятия любых словесных высказываний. Чуть ниже мы изложим его, снабдив попутными комментариями. Но уже сейчас следует подчеркнуть, что если эту истолковывающую манеру понять и освоить как автоматическую сноровку, то читатель/слушатель любого текста невольно привыкает, что называется, видеть лес за деревьями. Иначе говоря, наблюдать обычно не показываемый в материале высказывания культурный объем, бытийный горизонт. То есть обнаруживать — наряду с явным, предметным, протокольным, «фактологически-изложенным» — нечто скрытое, сокровенное, интенционально-оценочное. Всё то, что порой плотно заслонено пёстрым (или же сереньким, монотонным — разница несущественна) информационным полотном.

Это правило-научение В. Бибихина одновременно и просто, и загадочно. Как он его излагает? Взяв за основу работы Людвига Витгенштейна, который строил всю свою логику на том, что «высказывание есть мера мира» (ein Maß der Welt), и процитировав то место из дневника австрийского философа, где тот пишет, что «в предложении происходит пробное составление мира»[2], Бибихин подхватывает эти точные констатации и уже самостоятельно разворачивает цепь важных положений, которые в совокупности и образуют упомянутое выше правило чтения/слушания. Вот они, по порядку.

Первое. «Слово как проба мира, формула детского и первичного отношения к нему, угадывания, задействования отсутствующего и присутствующего целого» (Бибихин, 2007: 38). Произнесенное/написанное слово, высказывание каждый раз совершает акт изначально неискушенного, экспериментального «распробования» мира. Причем это первичное, пробное угадывание говорит столь-

2. «Im Satz wird eine Welt probeweise zusammengestellt» (Wittgenstein, 1979: 41; 7).

ко же о мире, сколько и о человеке, это слово произносящего/пишущего. Сюда же относится и непроизнесенное слово, слово-молчание. Таким образом, глубинное свечение мира начинается уже с первого — и словесного, и уклончиво-молчаливого — прикосновения к миру.

Второе. «Слово <...> не описывает части мира, а примеривается к нему в целом» (Бибихин, 2007: 38). Иначе говоря, даже сосредоточиваясь на фрагментах, повествуя и рассуждая о малых частичках мира, человек, хочет он этого или нет, имеет в виду всю широту проекции мира. Человек остается непрерывно подключенным ко всему объему своего опыта, буквально видящим его, ощущающим его гравитационную «земную» тягу.

Третье и самое важное. «Переход на реферативный тон означает одновременный отказ от присутствия в слове всего человеческого существа и от измерения мира. Человек перестает быть микрокосмом. В информирующем слове человек отсутствует» (Бибихин, 2007: 38). Получается, что в «информирующем слове» отсутствует главный индикатор человеческого присутствия — его «примеривание» к миру, модус опрокидывания мира на самого себя. В таком регистрационном слове мир является (причем в основном смысле этого глагола — «являет» себя) преимущественно в виде подчеркнуто холодной (или же нарочно доведенной чуть не до красного каления) нарезки фактов, принципиально готовых к любой их пересборке, перекомпозиции, «тасовке»[3].

Современному человеку эта картина хорошо знакома. Так вышло, что современное медийно-коммуникативное пространство, до отказа переполненное разнообразными сведениями о фактах, происшествиях, событийных сгущениях, непрерывно пронзаемое мгновенными сигналами жизненных изменений, поворотов и скачков, превратилось в пестрый новостной конвейер, не знающий пауз и перебоев. «Лента новостей», «Новости онлайн», «Новости Лайф» и тому подобные машины подробнейше описывают части и частички мира, исподволь приучая глаз и слух к перечислительно-фиксирующим повадкам. Мир летит над головой, мелькая и тут же скрываясь. Включиться в него — непосильная задача. Чтобы втиснуться, зарегистрироваться в ядерно-плотном списке вещей и вещиц мира, нужно буквально выскочить из самого себя, исковеркав при этом координаты присутствия и заглушив его уникаль-

3. Как же созвучно последнее словечко профессиональному термину «тассовка»! Это, на жаргоне журналистов, сообщение информационного агентства, некий полуфабрикат, ожидающий так называемого «расширения». Термин пришел из эпохи СССР — «тассовками» называли все сообщения единственного информационного агентства ТАСС. Кстати, уже укоренившаяся в словаре «тусовка» (свободное собрание для знакомства, обмена мнениями, мелькание лиц и поверхностная, необязательная коммуникация) также естественно встает в этот ряд.

ный тон. Примеров этому достаточно — стоит только присмотреться к типовым практикам фигурантов сетевых сообществ. Но это, что называется, себе дороже. Ведь, якобы расправляясь со своим социальным одиночеством, человек рискует утратить меру своего мира. И часто теряет его. Слово такого человека неизбежно конвертируется в дискурс «планетарной канцелярии». И он постепенно привыкает и к реферативному тону, и к осколочности «присутствующего целого», и к экстраординарной пестроте информационного пейзажа. В итоге он вынужден смириться и со своим собственным отсутствием, превращаясь в существо, у которого чуть ли не принудительно сорвана и засушена сеть капилляров присутствия. Ничего удивительного, так уж вышло. Вопрос в том, дано ли иное?

Вероятно, да. Одна из многих ситуаций, когда можно сознательно и результативно уклониться от этой, становящейся уже привычной, позиции, естественно складывается тогда, когда человек стремится овладеть искусством понимающего принятия мира. Когда, в частности, он намеревается полноценно, развернуто истолковать входящий в его мир словесный материал. Поэтому обозначенные выше, вполне отчетливо сформулированные Л. Витгенштейном, В. Бибихиным и другими мыслителями догадки и правила очень важны в ходе понимания тех текстов и высказываний, где налицо не столько реферативное пиршество, сколько информационной голод, то и дело возникающие фигуры умолчания. Причем умолчания не намеренного, не заведомо и хитро сконструированного, а простодушно-инстинктивного, бесхитростно-детского. О чем же молчат наши крестьянские респонденты, вспоминая события Гражданской войны? Что именно скрывает здесь дискурс приключенчества и сказочности? И нет ли здесь какого-то умысла — не намеренно-плутовского, а инстинктивно-сберегающего?

Начнем с того, что сами рассказчики не сосредоточиваются, как это можно было ожидать, задавая соответствующие вопросы, именно на суровых, драматических реалиях Гражданской войны. В их воспоминаниях слышится, скорее, тон удивления и обескураженности, даже неправдоподобности тех мизансцен, которые рисуются в их памяти. В этом смысле характерна серия вопросительных восклицаний Ивана Цаплина (я, спустя даже тридцать лет, отчетливо помню несколько растерянное выражение его лица): *«Не поверишь ты мне?! Нет?! Это мне дядя рассказывал. Нате, говорит, бейте меня, порите жопу — я ни за каких. Это было! Куды, говорит, ни ткнусь — везде порют!»* Фактически та же растерянная удивленность фигурирует и в картинке Павла Кудренко*: «Чертя куда деваться?! И правду скажи — беда, и збрэши — беда. Ну! Вот так жизнь была...»*

Но и вправду — была ли такая жизнь на самом деле? Не ретушируют ли, робея, наши старики звериную, равнодушную же-

стокость тех своих соотечественников, родственников, знакомых, которые не столько алчно завоевывали, сколько рационально чистили жизненный мир, жестко пропалывая социально-классовое поле? Мне кажется, что за этим, в сущности, ярмарочным спектаклем, где отыскивается место и для показательной порки, и для злорадного зубоскальства, кроется, хранит себя в тишине, иная память, которую мы, всесторонне расспрашивая стариков, невольно растеребили. Вытащили на свет её основной объем. А в этой памяти спрессован и невыносимый опыт многолетней колхозной эксплуатации, и бытийного одиночества времен Второй мировой войны, и послевоенной налоговой каторги, и хрущевских экспериментов с крестьянским дворовым хозяйством и многих более мелких деревенских бед. И на фоне этой плотно слежавшейся, накопленной за всю жизнь, как правило, угрюмой памяти Гражданская война и её злодейства как-то высветляются и смягчаются, кажутся скорее театрализованным действием. Причем не прихотливо мерещатся, а именно «кажутся», от глагола «казать». Они таким манером *показываются*. Дискурс бытийной режиссуры и на этот раз предусмотрительно выдвигается вперед. Его органический инструментализм искусно и бережно размечает диаграмму прожитой человеком жизни — Богу непременно Богово, а уж человеку земли всякое. А ближе любого «всякого» — облегченное, дурашливое, чуть ли не шутовское, забавная бытовая новелла, сказка.

Расширяя круг источников, приведу короткий рассказ, найденный в одном из «Живых журналов». Пишет человек, не претендующий на обобщения и поэтому доверчиво-простодушный:

> *«В детстве я любил расспрашивать деда про «старые времена», а поскольку тот работал сапожником, то руки его были во время работы заняты, голова же свободна. Вот и рассказывал. В его изложении всё было вроде таким веселым (в таком же соотношении, как «Неуловимые мстители» и настоящая Гражданская война). И только много лет спустя до меня стал доходить «юмор» ситуаций. Так вот, пристал как-то к деду — расскажи про Революцию.*
>
> *"Ну саму-то Революцию я не помню — что мне тогда было-то пять лет всего, а вот Гражданскую-то помню... Я-то младшим был из братьев, седьмым, а старшие-то воевали, а как же! Второй по старшинству наш, Яшка, кличка у него была — Чикодан, тот лихой был — о-го-го! Сразу к красным подался. А первый — Колька, кличка у него была — Хайло, уж больно петь любил. Только слуха-то не было ни фига! Так вот, Ростов-то невесть сколько раз переходил от красных к белым, от белых — к зеленым, потом — к махновцам... Приходят красные — приезжает Яшка на тачанке — красный бант на груди, в кожанке и пьяный в дым. Маузером в дверь колотит, орет: «Давай сюда этого белогвардей-*

ского гада, Хайло, щас я его стрелять буду!» Ну поколотит мальца, мать выйдет, да ухватом его по хребту, да и погонит... Придут белые, приезжает Хайло на бричке, весь в портупеях, пьяный в сосиску, колотит наганом в дверь, орет: «Где эта краснопузая сволочь, Чикодан, щас я его в расход пущу!» Батька выйдет, поговорит с ним, тот поворчит да уедет...

— Ну а потом что?

— А что потом! Закончилась война, оба вернулись. Хайло Яшке зуб выбил, а тот ему нас расквасил. На том и помирились. С батей на промысел на баркасе ходили, а потом Яшка в милиционеры подался — так он всегда шебутной был. Все это чистая правда"» (Дедушка, 1924).

Смотрите, те же уверения в правдивости воспоминания, то же удивление по поводу жизненной новеллистики, приобретающей порой опереточную тональность, какие мы наблюдали у наших деревенских рассказчиков. Вот еще пример крестьянской памяти, где сведено трагическое и сказочное, где человеческая участь вплетена в работу не только социальных, но и природных сил; участь по-своему закономерная и поэтому неудивительная. Рассказывает Павел Карасев, 80-летний житель хутора Атамановка.

Инт.: «Павел Петрович, а вы помните деда?»

П. Карасев: «Как же не помнить?.. Деда звали Никита, а по отчеству не помню. У него несчастье случилось — его банда зарезала. Единолично они работали, у них урожай был хороший... А тут банда налетела, его зарезали и урожай отняли. Это я еще был пацаном, мне было лет 8-9. Про это я чуть помню. Году, наверное, в двадцать первом-втором это было. Он был единоличник-крестьянин. В то время еще не было никаких коммун. И колхозов не было... Он поехал в тот раз свою землю проверять, как было, в натуре. Посмотреть... На ночь. Коня запряг и поехал. Приехал туда, посмотрел — пора косить или не пора? И стало ему жалко коня — конь притомился. Взял его, привязал за вожжи. Конь ходит, пасется. А дедушка прилег отдохнуть. И вот что потом получилось — никто не знает. Никто! Только вот коня запрягли, навалили на него, на повозку, деда, подвязали ему повода... А конь знал, где дом-то. И он его привез домой... Уже мертвого. Зарезанного... Ой, целая история была...»

Этот рассказ основан, конечно, на реальных событиях. Но как он выстраивается в слове! Ведь перед нами явная бытовая небывальщина, в которой налицо атрибуты сказочного происшествия с трагическим концом. И даже если предположить, что «банда», укравшая урожай, не была вовлечена в противоборства Гражданской войны, а была просто шайкой грабителей, то вмиг украсть урожай, еще стоящий на корню, просто немыслимо. Скосить, связать в сно-

пы, нагрузить, увезти и остаться незамеченными? Такого просто не бывает. В деревенских, дробно освоенных, пространствах любые видимые передвижения чуть ли не автоматически опознаются и атрибутируются. Далее, конь в этом рассказе — равный человеку персонаж. Это фольклорная тональность. Он вместе с человеком и притомился, он и аккуратно привез мертвого деда Никиту домой. «Прямо как в сказке!» — как принято говорить в подобных случаях. Между тем эта сказочность, эта «примысленность» вполне натурально вмонтированы в выстроенное рассказчиком информационное поле. Они не отторгаются. Они смягчают семейную трагедию. И не случайно Павел Карасев в конце этого рассказа чуть ли не как сторонний наблюдатель восклицает: «Ой, целая история была...» Здесь мы в полном развороте видим то самое словесное «примеривание к миру в целом», то «задействование отсутствующего и присутствующего целого», о котором писали Витгенштейн и Бибихин.

Поэтому-то в дискурсивном мире крестьянина Карасева нет прорех и нестыковок. Попадись этот рассказ на глаза историку или журналисту, они, вероятно, отбросили бы его как явный информационный брак, как плохой источник. Но в рассказе крестьянского старика всё на своих местах — забота и работа, добро и зло, правда и сказочный вымысел.

Продолжим наблюдения. Вчитываясь в обстоятельные воспоминания Ольги Литвиновой, можно вдобавок к уже сказанному выше увидеть следы небывальщины и прямо-таки волшебства. Молодой хлопец Павло в одиночку решительно управляется со скотиной, оказавшейся в балке. Надо сказать, что пространственно-географические обстоятельства названы здесь верно — я не однажды собственными ногами промерил и изучил тамошние места, когда жил в Атамановке и записывал рассказы Ольги Литвиновой. Пологие балки, в которых до сих пор пасут коров, в этих усть-медведицких краях в изобилии. Но чтобы зарезать нескольких, сгрудившихся в балке и застрявших в ярме быков, да еще в ночное время — это поистине труднейшая задача, посильная немногим мастерам по забою. Но для именно этого рассказа непременно нужно, чтобы Павло был ловок, умел и изворотлив во всём — и в работе, и в распорядительной предусмотрительности в хозяйственных делах (прятанье колес), и в изящно-кинематографическом побеге от жестокого врага. Здесь же и непременные злые силы в виде соседей-доносчиков. Рассказ Ольги Литвиновой победоносен, литературен, закруглён, что называется, ни убавить ни прибавить. Я хорошо помню то ощущение, которое поднималось в душе, когда я, не перебивая, слушал ее воспоминания. Повествовательная нить рассказчицы при этом не терялась, разворачиваясь и насыщаясь живописными деталями, но к ней постоянно подверстывались читанные мной в детстве и юности сказки — волшебные, героические, бытовые. Инерция продуктивного воображения спо-

собна была заразить и увлечь любого слушателя. Рассказчица инстинктивно убереглась от реферативного тона и ее повесть — совсем не информация, не описание частей мира, а именно первичное отношение к нему.

Подведем краткий итог. Почему же в крестьянских воспоминаниях о Гражданской войне так явно заметен дискурс фольклора и, в частности, новеллистической, бытовой сказки, часто опрокидывающей фактическую картину? Как могло случиться, что исторически выверенные специалистами и, с другой стороны, составленные простыми людьми картины могут быть такими разными? Что же, выходит, правы те философы, которые утверждают, что «различие <...> проходит раньше, чем в самом тексте: в навыке читающего» (Бибихин, 2007: 332)? И что «разница не в тексте, а в прочтении» (Там же)?

Нелегко однозначно ответить на эти вопросы. Однако часами и днями внимая рассказам деревенских людей, мы видели, что крестьянские старики, выстраивая событийную картину своей жизни, старательно, порой робея и запинаясь, производя устный текст, так или иначе, *прочитывают* и свою собственную жизнь. И «навык читающего» порожден исключительно опытом ежедневного бытия. И поэтому их «текст жизни» оказывается таким отрешенно-разным, разворачивающимся сам по себе, по законам воображения и пробы мира, — какой бы строгой и инвариантной ни являлась при этом базовая (историческая, фактологическая, информационная) жизненная канва.

Библиография

Бибихин В.В. (2007). Язык философии. СПб.: Наука.

Венус Г. (1925). Война и люди. Семнадцать месяцев с дроздовцами. Фихтенгрунд. http://www.dk1868.ru/history/venus.htm

Воспоминания о Гражданской войне на Дону в 1917–1920 гг. Ф.К. Миронова (1921). РГВА Ф. 192. Оп. 6. Д. 1. Л. 81-116. Рукописный экземпляр. http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1012509

Воспоминания русских детей о революции и Гражданской войне (1925). Прага.

Дедушка, воспоминания о Гражданской войне в России 1918–1924 гг. (1924). Ростов-на-Дону. http://vitek-piterskiy.livejournal.com/41039.html

Левин Л. (2007). Записки о Гражданской войне. Чикаго. http://samlib.ru/l/lewin_leonid/zapiski.shtml

Мелетинский Е.М. (2010). Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике. М.: Изд-во РГГУ.

Москвичи на фронтах Гражданской войны. Воспоминания (1960). М.: Московский рабочий.

Пропп В.Я. (1999). Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре. М.: Лабиринт.

Пропп В.Я. (1989). Фольклор и действительность. М.: Наука.

Шинкаренко В.Д. (2005). Смысловая структура социокультурного пространства: миф и сказка. М.: Комкнига.

Эфрон С. (1998). Записки добровольца. М.: Возвращение.

Юдин Ю.И. (2006). Дурак, шут, вор и чёрт (исторические корни бытовой сказки). М.: Лабиринт.

Wittgenstein L. (1979). Notebooks 1941–1916. Ed. G.H. von Wright and G.M. Amscombe. Oxford.

Peasants and the Civil War: The discourse of short stories

Valery Vinogradsky, DSc (Philosophy), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru.

The author develops a new approach to the interpretation of peasant oral stories, especially of those that somehow reconstruct the events of the Civil War of 1917–1922. The relevant short peasant stories were recorded in 1991–1993 during the first peasant expedition of Teodor Shanin. In those years in Russian villages, it was still possible to find direct witnesses of military events of 1917–1922. The fragments of peasant narratives were analyzed with a combination of philosophical, social-linguistic and folkloristic approaches to answer the following questions: what and how do old peasants reconstruct the events of the Civil War? What part of these oral stories can be considered a reliable historical source? What mise-en-scenes of military events remained in the memory of respondents? What is the dominant mode of peasant narratives? What are the discursive nuances of peasant oral stories about the Civil War? The article is intended for historians, ethnographers and sociologists interested in the peasant worlds of Russia.

Key words: oral history, civil war in Russia, historical memory, everyday “fairy tale”, peasant life practices, peasant worlds, rural sociology, discourse of short stories and fiction

References

Bibikhin V.V. (2007) *Yazyk filosofii* [The Language of Philosophy]. Saint-Petersburg: Nauka.

Venus G. (1925) *Vojna i lyudi. Semnadtsat mesyatsev s drozdovtsami* [War and People. Seventeen Months with the Drozdovtsies]. Fihtengrund. http://www.dk1868.ru/history/venus.htm.

Vospominaniya o grazhdanskoj vojne na Donu v 1917-1920 gg. F.K. Mironova (1921) [Memories of F.K. Mironov of the Civil War on the Don in 1917-1920]. RGVA F. 192. Op. 6. D. 1. L. 81-116. Rukopisnyj ehkzemplyar. http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1012509.

Vospominaniya russkih detej o revolyucii i grazhdanskoj vojne (1925) [Memories of Russian Children about the Revolution and the Civil War]. Prague.

Dedushka: vospominaniya o grazhdanskoj vojne v Rossii 1918-1924 goda (1924) [Granddad: Memories of the Civil War in Russia in 1918-1954]. Rostov-na-Donu. http://vitek-piterskiy.livejournal.com/41039.html.

Levin L. (2007) *Zapiski o Grazhdanskoj vojne* [Notes about the Civil War]. Chicago. http://samlib.ru/l/lewin_leonid/zapiski.shtml.

Meletinsky E.M. (2010) *Istoricheskaya poetika folklora: ot arhaiki k klassike* [Historical Poetics of Folklore: From Archaism to Classics]. Moscow: Izd-vo RGGU.

Moskvichi na frontah grazhdanskoj vojny. Vospominaniya (1960) [Muscovites on the Fronts of the Civil War. Memories]. Moscow: Moskovskij rabochij.

Propp V.Ya. (1999) *Problemy komizma i smekha. Ritualnyj smekh v folklore* [The Issues of the Comic and Laughter. Ritual Laughter in Folklore]. Moscow: Labirint.
Propp V.Ya. (1989) *Folklor i dejstvitelnost* [Folklore and Reality]. Moscow: Nauka.
Shinkarenko V.D. (2005) *Smyslovaya struktura sociokulturnogo prostranstva: mif i skazka* [Semantic Structure of Social-Cultural Space: Myth and Fairy Tale]. Moscow: Komkniga.
Efron S. (1998) *Zapiski dobrovoltsa* [Notes of a Volunteer]. Moscow: Vozvraschenie.
Yudin Yu.I. (2006) *Durak, shut, vor i chyort (istoricheskie korni bytovoj skazki)* [Fool, Jester, Thief, and Devil (Historical Roots of Everyday Tales)]. Moscow: Labirint.
Wittgenstein L. (1979) *Notebooks 1941–1916*. Ed. by G.H. von Wright, G.M. Amscombe, Oxford: Anmscombe.